

ЛЕНИНГРАДСКИЕ СТИХИ ВС. НЕКРАСОВА 82-84 ГОДОВ

Мне приходилось слышать мнение, что до 90-х у Некрасова были «прекрасные отношения» с теми из своих коллег по неофициальному искусству, с кем они около 90-го года изменились к худшему (что хорошо видно из его стихов, написанных после перестройки). Действительно, начиная с этого времени деятельность в искусстве Пригова, Кривулина, Гройса, Кабакова публично подвергалась его острой критике, личные отношения были разорваны. Эту перемену отношений к «соратникам по цеху» объясняют обычно сложностями характера Некрасова или даже иногда - его нездоровьем (особенно после 2000 года после операции на сердце). В общем причину принято находить в самом Всеволоде Николаевиче, никак не в предмете его критики.

Но доперестроечные «прекрасные отношения» - совершеннейший миф и иллюзия в стиле ретро. Стихи, написанные уже в самом начале 80-х, говорят о принципиальном расхождении пути Некрасова в искусстве с путями Кривулина, Пригова, Рубинштейна. Речь идёт не о каких-то взаимонедопониманиях, не о личных обидах, а как раз о понимании и совершенно сознательной позиции отказа Некрасова выстраивать свои отношения с властью так как это получалось тогда у названных персон из «своих». Власти, которая не давала хода нашему искусству, можно было противопоставить, с его точки зрения, только факт состоятельности и живого продолжения самого этого искусства, а никак не создавать параллельную систему, предназначенную для её, власти, объезда её же методами так, что на каких-то этапах ей можно и удобно воспользоваться - для «своих», то есть в то время - для тех, кого власть всегда подавляла и замалчивала, воспользоваться так сказать «во благо настоящего искусства». Некрасов не видел в этой параллельной системе никакого блага. А стихи, написанные с 82 по 84 годы свидетельствуют о том, что он сразу же отмежевался и от такого «настоящего искусства»¹, отреагировав, например, на альянс ССП с представителями неофициального искусства² в ленинградском «Клубе 81» осенью 1983 года³ («Пригову с Рубинштейном», «после 83 года», «отклик»).

¹ «и гениальная / леночка шварц / и великий кривулин» (цитата из стихотворения И. Бурихина «Приветствие на Петербургскую школу») - из «Пригову с Рубинштейном»

² из москвичей были приглашены только Пригов, Рубинштейн, Лён и Седакова

³ в 1983 г. в центральном зале Дома писателей в Ленинграде состоялся вечер «Клуба-81». Куратором клуба был Юрий Андреев, инструктор ЦК КПСС по литературной части. В уставе оговаривался отказ от зарубежных публикаций.

Юрий Колкер в 1984 г. писал о собраниях клуба: «Слушая прения, я пытался понять, что мне и другим может дать этот клуб в творческом отношении, и не находил ответа. Доводы в пользу легальных собраний и выступлений, разговоры о возможных в будущем публикациях — не убедили меня. Чтения в частных квартирах привлекали меня больше, чем в казенном месте: публиковаться, хоть и крайне трудно, но можно в России, — при этом литератор сохраняет гораздо больше свободы, осуществляя обе свои потребности в обход советской власти, а не в силу объявленного соглашения с нею. Постепенно я уверился, что истинными мотивами инициаторов клуба были, с одной стороны, дурной коллективизм, желание заседать и председательствовать; с другой стороны, коллаборационизм, признание пусть лишь временно совпадающих, но все же общих с режимом целей. Мне же этот режим был всецело и окончательно чужд.

Отношение мое к клубу определилось не сразу, до организационного собрания я был сторонником объединения, видимость общественной деятельности в безгласной стране заворожала меня. Несмотря на мой отказ подписать устав, я еще некоторое время продолжал получать по почте приглашения и два-три раза побывал на собраниях клуба. В эти редкие посещения в конце 1981 г., вместе со стихами Елены Игнатовой и прозой Наля Подольского (вскоре получившего за нее прокурорское предостережение), мне запомнилось и другое: покровительственный, начальственный тон членов правления клуба в обхождении с рядовыми участниками, и у тех же членов правления — занятная смесь подбострастия и дерзости перед Андреевым; до сих пор вижу поэта Аркадия Драгомощенко, с искательной улыбкой и в полупоклоне пожимающего руку статному,

То что сам он не был туда приглашён - естественное следствие уже состоявшейся примерно в 1982 году селекции, когда из трёх московских поэтов-«концептуалистов», незадолго до того в 78 и 79 годах представленных на страницах питерского самиздатского журнала «37», в Питер с чтением стихов были приглашены только двое, а Некрасова Кривулин уже не пригласил («и опять / меня в поэты / не взяли», «дорогой / город», «какая там ленинградская школа»)⁴. Не идти ни на какие взаимодействия с властью, а попросту оставаться собой, независимым ни от какой партийной системы автором, и самим фактом искусства, взятого «в пакете» со своей историей, свидетельствовать и о ней, и о своём времени - собственно, и была его позиция. При всём признании его поэтических заслуг (письма друг другу Некрасова и Кривулина конца 70-х ещё вполне дружественны, и, главное, они вообще есть), выбранная им линия поведения совершенно не вписывалась в стратегические планы Кривулина и Пригова. Их пути разошлись уже тогда, в самом начале 80-х годов, и не по личной прихоти. Какие ж это «прекрасные отношения»? Последние по времени самиздатские книги Пригова и Рубинштейна в личной библиотеке Некрасова датируются именно этим рубежом, началом 80-х.

Мы с Некрасовым познакомились в 1986 году, но стихи его я знал и раньше, а в 83-м на известном вечере в ЦДРИ с участием Эпштейна, проводившего в жизнь свою далекоидущую спецнаучную терминологию, нужную для того, чтоб выгодно представить «метареалистов» на фоне «концептуалистов» - на этом вечере Пригов и Рубинштейн стихи читали, а вот Некрасова не было. Хорошо помню, как после выступлений кто-то захотел заочно «представить» мне Некрасова: «Ты знаешь, это поэт, у которого есть стихи из одних частиц и междометий. Только жаль, он теперь не выступает вместе с Приговым и Рубинштейном: его в Ленинград, кажется не пригласили, и вот он теперь не читает с ними...» Встречаясь с обоими поэтами на квартирных выступлениях и в Старосадском переулке на семинаре у доктора Алика Чачко, Некрасов никогда не позволял себе никаких личных выпадов в их адрес, всегда был вежлив. Но это была разная вежливость. С Приговым это был скорее вежливый уход от общения (иногда казалось, что даже снисходительно весёлый какой-то, насмешливо-вежливый), с Рубинштейном - творчески-вежливый диалог, выводящий на комизм речевой ситуации (подчас вымышленной): «- Я вообще-то вас не звал сюда на чтение моих стихов, - А я вообще-то и не собирался приходить», или: «- Извините, что приехал на полчаса позже: автобус опоздал». Думаю, это была отчасти вынужденная форма общения. Некрасов хорошо понимал, что политическая погода только начинает понемногу меняться, но в любой момент ничего не стоит «отсвистать / всех обратно» («ка - кую кришну»), что всех нас, несмотря на разные взгляды и способы поведения, объединяет уязвимость перед государственной властью, как бы мы себя по отношению к ней не позиционировали⁵. Картина достаточно определилась к началу 90-х. Одна на всех общая уязвимость разделилась на множество личных ответственностей за происходящее в нашей реальной истории. Только тогда Некрасов позволил себе публичное чтение давно уже написанных стихов, критически обращённых к тем, кто недавно ещё числился у нас за «неофициальным» искусством. Многие стихи из цикла «Выяснение отношений

молодым, излучающему спокойное достоинство куратору» (<http://yuri-kolker.narod.ru/articles/Club-81.htm>)

⁴ историю этих отношений см. ниже, в сносках Некрасова к стихотворению «свои радости»

⁵ о чём, видимо, быстро забывали, уехав отсюда, и Кузьминский, без ведома автора опубликовавший Сатуновского в «Голубой лагуне», и Шелковский, анонсировавший издание стихов Некрасова, но несколько лет после этого всё тянувший кота за хвост, ничего не издавая, в то время как у всех на глазах «Мухоморов» забирали в армию. Как будто не ясно было, что оставшиеся здесь всерьёз рисковали из-за своих публикаций на западе.

производственных и непроизводственных» были впервые прочитаны в РГГУ в 1994 году.

Здесь собраны ленинградские стихи и 2 стихотворения, связанные с изданием журнала «А-Я» («какие нет» и «свои радости»), написанные в период с 1982 по 1984 год. 6 из них относятся к этому циклу «Выяснение отношений», являясь одними из первых его стихов. Этим они, на мой взгляд, особенно интересны и показательны.

+++

и опять
меня в поэты
не взяли

ты не свой
и не смущай тогда
наших
нечего тебе тут
нельзя этого
ну
нельзя
так и необязательно
нам и не привыкать
оно и неудивительно
вита
но здесь иное изумительно
митя
дима
извините меня
дмитрий александрыч
орёл
лев семёныч
прославленные у нас имена
а удивительно
до чего же несложно
оказывается
легко
можно
значит правильно
а как же иначе
выходит только
так с такими и надо
если надо
надо - раз надо
нас и не взять
надо
взять
пожалуйста

с такими вот
нами
так именно
вот вот

и Л-град подтверждает
что всё правильно

а пока
погуляйте

<82>

+++
дорогой
город
город Л-град

ну ладно
раз

другой раз

ну а следующий
другой раз
лгал бы ты
дорогой город
другим кому-нибудь

и вся
недолга

(<80, 82>, «Пакет», с.544)

+++

Из топи блат
(Кривулин, если не ошибаюсь)

какая там ленинградская школа
какая-то ещё «московская школа»

московский блат
и ленинградский блат

и ленинградский да
ну
куда
конечно
лучше
шире
глубже
крепче
вообще
блатнее

(<82>, «Пакет», с.546)

+++

«Пригов,
почему вы так играете?»
/Лаврова на вечере в Д.Х. 82 г./⁶

играет
браво

так и играет

город
ленинград

и не ленинград
город
град
петров
и сидоров
пригов

в такие игры

а-я

а я в такие
обыкновенно
проигрываю

наверное
и потому
не играю

+++

ПРИГОВУ С РУБИНШТЕЙНОМ

ну и чёрт
с вами

и лена шварц

/«и гениальная
леночка шварц
и великий кривулин...»

как в ленинградском журнале
один ленинградский поэт

выразился/

(83, «Геркулес»)

⁶ в черновиках: «искусствовед Лаврова»

+++

после 83 года
доверить пригову
мои три рубля
дмитрию александру
д. а.
подумал бы я

+++

дорогой друг! условимся.
/Лев Рубинштейн/

1.

И только лишь
из-за того, что не наш?
Ты так думаешь?
Ну а мы что ж
условимся
и будет прекрасен
наш союз
писателей
против литературы

/условимся
договоримся устроимся
померцаем подмигнём
и мигом друг друга поймём

дорогой друг дорогого друга/

2.

и тут удушливо

и тут
я лучше уйду

дорогой друг

думаешь
такой ты дешёвый

ну может быть

художественная общественность

холуёвая
вы тоже
общественность

вообще

хотя встречаются

частности

<не раньше 83 года>

+++

отклик

1. в стиле пригова

нет нас не захватил
захватчик
захватчика перехватил
перехватчик

2. ни в каком стиле

перехватили

(83 <лето>)

+++

нате пошевелите
наше это
наше это
великое великое
завоёванное
в беспробудной
борьбе
право

быть не как люди

<83, лето>

+++

какие нет
нетонкие люди есть
эти эстонские люди
как можно Ване
крутить динамо
нет
как раз Ване
можно крутить динамо
но как же можно
крутить динамо Ване

удивительное
недопонимание

(<не позднее 1985>, «Пакет», с.543)

+++

свои радости

слОва не давать

откуда же его мне и взять

если не у вас

не у власти

и собственного изготовления власти

для своего удовольствия

власти в виде Вити*

да вроде Вани**

дела

как маленькие

а кака уже а как же

как у больших

(«Пакет», с.543)

*Году в 77-8-м на меня с моим ленинградским циклом обратил внимание Кривулин - с подачи недавно переехавшего в Москву и водившего компанию с Булатовым и Кабаковым Гройса. Ленинградский самиздатский «37» и делали в основном Гройс с Кривулиным. Фирма понимала себя как очень серьёзную, и решено было для солидности и всяческой аутентичности моей подборки съездить мне в Питер. С аутентичностью всё равно вышло так-сяк, отчасти оттого, что мне хотелось всё время добавлять нового, которое дописывалось и уточнялось, отчасти оттого, что Кривулин всё время норовил недодать обусловленных 50 страниц, и отчасти оттого, что печатавшей всё это Наташе печатать всё это - да ещё в две колонки, которые я с самого начала выторговал, чтоб больше влезло - просто было уже не под силу. Так одна страничка, и весьма существенная, влезать нипочём не хотела - вроде бы стихи на ней разместить не удаётся. Я разместил, хоть и правда не без натуги, сказали спасибо, а потом она оказалась только в моём экземпляре...

Всё, связанное с рисковостью с самого начала отдавалось на безусловное кривулинское усмотрение - нет, так нет, и все разговоры. И поддаваться каким-то ещё хитростям собственной витиной политики я не видел никаких оснований. В итоге публикация вышла увесистая, только с кучей опечаток. С приходом новых времён М.Шейнкер сделал из неё подборку в «Новой Русской Литературе», и я выпустил книжкой «Стихи из журнала» объёмом 6 п.л. Из двух моих книжек лучшая. Но отношения с Витей стали напрягаться. И исхитряться необыкновенно. Года с

полтора-два после выхода «37» я более-менее наезжал в Питер - раза три, если не четыре. В той или иной связи с какими-нибудь витиными прожектами и якобы предложениями. Особенно потешно приглашал Витя на чтения-выступления. - Старик, - а, ты приехал... Ну, старик, рад тебя слышать. Но, старик, - в субботу - ну, как говорили - ты знаешь, не выходит. Ну, старик, ну только вчера сказали... - Ну, старик - зачем ты так говоришь - «зачем приехал»... Старик - ну, «зачем», «зачем»... Понимаешь, если бы ты мог в воскресенье, но в воскресенье ты же говоришь уезжаешь... Когда ты уезжаешь?.. Во вто-рник... Старик, ну я сейчас позвоню, узнаю, хорошо? Ты мне позвони.

- Старик, а - это ты... Старик, но знаешь, - в воскресенье не выйдет. Не получается - вот только сейчас сказали, старик - вот в среду если бы... и т.д.

Довольно скоро я бросил Вите звонить и разговаривать с Витей, а когда случился бум 83 с организацией л-градского клуба «Поэзия»⁷ и с приглашением в этот клуб московских гостей, среди гостей были Пригов и Рубинштейн, с кем мы вместе выступили на страницах «37», Слава Лён, Седакова - а меня не было, я не очень и удивился. Только, помню, в первый раз стал присматриваться внимательней к Диме Пригову, который не удержался и буквально заплясал чёртом, козлик у меня перед носом: - Все-волод Николаич! А вы не едете?! Всеволод Николаич! Ну как же так, Всеволод Николаич, а?... Соседи Пригов с Рубинштейном тогда уже прокрутились по питерской поэтической неофициальной системе, какая была, не по одному разу, тем более Пригов, которого Витя полюбил, как Ахмадулина Ерофеева в «Метрополе». Как того же Пригова - Седакова и т.д. За контраст, полезнейшую себе альтернативность: смотри, читатель... Либо - либо. А то вот. Страшно? (С успехом, хоть и не особенно, по-моему, тонко употребил эту расхожую дилемму Кибиров, используя как бы обе крайности сразу и вперемешку, в мелкую по возможности сечку - бывает, что выходит и сплав, сращение. Но чаще одно с другим, традиционность с имитационностью в ударном порядке перемешиваются вполне механически, что однако, не только не смущает, но даже уже называется. Например: построение новых отношений между автором и читателем. Иначе: набор-полуфабрикат с д е л а й с а м, дорогой читатель. Как сумеешь. Сам и отнесись. И сам прочисть уши. Опять-таки - как сумеешь. А если что - не мы виноваты). В общем, в отношениях с Витей наступила полная определённость - до весны 91, когда мы с Витей оба выступили на московской фазе немецко-русской программы «HIER UND DORT»- «ТУТ И ТАМ», и решил Витя что меня р а с к р у ч и в а ю т. С чего - не знаю, не будучи сам большой ас и босс в этом деле, только что хорошо раскрутив по своей питерской системе того же Пригова, усвоил Витя, что без раскрутки не прозвучишь, а мне тогда в «Иностранке» прозвучать, правда, кажется, таки удалось; видимо, и Вите так показалось. И Витя прилип. С Витей нам и до того раз-другой уже случалось не поздороваться в витины московские приезды, и другого ничего Витя от меня и ждать не мог - кто-то Витя, только уж не дурак. Говорю же, была полная определённость. А тут вцепился Витя с какими-то похвальными словами, и кто Витю знает, тот понимает, что от Вити просто так не отвяжешься. - Витя, тебе не кажется, что всё это если говорить, так говорить надо было в 83 году - во-первых, а во-вторых, говорить это не мне? - Старик, ну так вышло в 83-м, ну вот при первом же случае, ну - при первом, ты понимаешь - и скажу, и напишу, и объясню, напечатаю: ну - я тебе говорю, старик. Понимаешь - Это. Я. Тебе. Говорю. Я.

-Да?.. Ну посмотрим, Витя. Будь здоров, Витя.

Смотрим. Посмотрел Витя, и убедился: можно не беспокоиться. Что р а с к р у ч и в а ю т меня - это ему показалось.

⁷ имеется в виду «Клуб-81» (МС)

Конечно нет, не все там жители таковы. Тот же Миша Шейнкер взял и напечатал чуть не половину подборки из «37» в «Вестнике Новой Литературы» около 91 г. Через пару лет, съездив в тот же Питер, выступил я там в школе Пореша. Вроде бы нормально. Познакомился с Николаем Благодатновым и его коллекцией. Вообще в этом городе живут люди как люди, как везде. Кто же спорит. Живые. И однако система плотного по возможности без отдушин стихописания и стихопочитания с плотной соответственно системой - просто системой, - похоже, доминирует там, как нигде. И очень, очень о себе понимает.

** Ваня Чуйков пришёл ко мне в гости первый и единственный раз с Аликом Сидоровым чтобы пригласить в «А-Я» в 78 году. Я принял приглашение, дал «Объяснительную записку» и стихи, и года три или четыре наблюдал некоторую чертовню с чехардой через меня энергичное шмыганье и приганье мимо моего носа. Наконец обратился к Чуйкову за разъяснениями. На что Чуйков не соизволил. Никак, и всё.⁸

⁸ Текст сносок к стихотворению «свои радости» приводится по изданию: Анна Журавлёва, Всеволод Некрасов «Пакет», М, 1996, с.с. 544-547 (МС)